

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ПСИХАЛГИИ

Сиверцев Евгений Юрьевич

К.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Emden1914@yandex.ru

PECULIARITIES OF MENTALITY AS ONE OF THE CAUSES OF PSYCHHALGIA

E. Sivertsev

Summary: The main objective of this article is to analyze the phenomenon of psychalgia (acute mental pain). Including philosophy data into the analysis of psychalgia makes it possible to reveal the causes of mental pain rooted in the peculiarities of the European mentality. A method of searching here is the comparative analysis where the European and the Buddhist-Taoist types of mentality are compared. The choice of the method is stipulated by statistical data: the level of psychalgia (which can be judged by the number of registered depression and suicide cases per a certain amount of population) in Europe is much higher than that in China. The ongoing comparison of the two types of mentalities reveals differences in the assessment of the spatial, temporal and social conditions of one's existence. The analysis of this difference, in its turn, leads to the identification of those features of the European mentality that affect the degree of psychalgia.

Keywords: psychalgia, mentality, finalism, teleologism, time.

Аннотация: Основной задачей статьи является анализ такого явления, как психалгия (острая психическая боль). Подключение к анализу психалгии философии показывает те причины душевной боли, которые коренятся в особенностях европейского менталитета. В качестве метода поиска применён сравнительный анализ: сравнивается менталитет европейский и менталитет буддийско-даосистский. Выбор метода объясняется статистическими данными: уровень психалгии (о нём можно судить по количеству зарегистрированных депрессий и самоубийств на определённое количество населения) в Европе значительно превышает аналогичные показатели в Китае. Проводимое сравнение двух менталитетов выявляет различия в оценке пространственно-временных и социальных условий своего существования. Анализ этого различия, в свою очередь, приводит к выявлению тех особенностей европейского менталитета, которые влияют на степень психалгии.

Ключевые слова: психалгия, менталитет, финализм, телеологизм, время.

Наша работа имеет целью философский анализ причин такого явления человеческой психики, которое обозначается термином «психалгия». Сам термин вводит американский психиатр, основатель научной суицидологии Эдвин Шнейдман (1918 — 2009). Психалгия по его мнению - «невыносимая, нестерпимая душевная боль, без какого-либо проблеска надежды на облегчение или возможную помощь...» [23, с.23]. В более современных версиях психалгия понимается как психическое явление, для которого характерны «длительность, скрытность, оттенок определения безнадежности, оттенок безвозвратности потерь, оттенок победы психоагрессивного проникновения и психотравмирующей реальности над внутренним миром человека» [6, с.508]. Психалгия создаёт у человека дискомфорт, сравнимый с тяжёлой физической болью.

Приступая к поиску причин психалгии, обратим внимание на следующее обстоятельство: как правило, когда речь идёт о психалгии и её причинах, данное явление не всегда отличают от того, что обозначается термином «депрессия». Потому мы можем обращаться как к источникам, в которых речь идёт о собственно психалгии, так и к источникам, обсуждающим депрессию.

Психалгии (равно как и депрессии) обычно делят на

два больших класса: эндогенные и реактивные. Эндогенные – это психалгии, вызванные внутренними телесными патологиями, имеющими возможность негативно действовать на настроение человека. Реактивные вызваны внешними жизненными явлениями, приводящими психику человека в болезненное состояние [14, с.5].

Работа с эндогенными психалгиями — это дело специалистов: медиков и психиатров, философский же анализ может сосредоточиться только на реактивных психалгиях.

В качестве причин реактивной психалгии обычно называются следующие факторы. Первый – фрустрация «трех основных мета-потребностей: в безопасности, привязанности (принадлежности) и достижении.» [10, с.108]. Второй фактор – чувство враждебности мира, чувство недостижимости мною того мира, в котором живу «я начинаю чувствовать, что мир, в котором живу, – “не мой мир”, я не родился в нем и для него, он не создан для меня, и в нем нет подходящего места для человека с моим внутренним миром и опытом» [27, р. 228]. Сюда же можно добавить «отсутствие “социальной приспособленности” (поведение, редко встречающее положительное подкрепление со стороны окружающих)» [26, р.82] Третий фактор является следствием первых двух:

чувство утраты смысла жизни, чувство отсутствия цели, которой хочется добиваться. Преобладающим становится «... чувство безразличия, безысходности» [13, с.562]. «Настоящее и будущее видится мрачным и безысходным» [17, с.9].

Как представляется, современная литература, исследующая реактивную психалгию, имеет следующие особенности. Первая: исследование останавливается на уровне феноменов – т.е. на уровне внешне видимых причин. Имплицировано предполагается, что знания этих причин вполне достаточно для констатации факта наличия у индивида психалгии и поисков путей избавления его от данного состояния. Вторая особенность: когда речь идёт о причинах психалгии, её «носителем» оказывается некий абстрактный, усреднённый человек вообще: никак не учитываются национальные, культурные, исторические и прочие особенности.

Преодоление поверхностности и усреднённости вышеуказанных причин психалгии видится на пути обобщения и сравнительного анализа.

Обобщение показывает, что за эксплицируемыми феноменами (обстоятельствами, вызывающими психалгию) лежит внутреннее чувство личного и социального времени, а также понимание своего места в течении событий. Откуда, например, переживание безысходности? События негативного характера разворачиваются в постоянно расширяющемся «сейчас» и оцениваются как негативные. Почему негативные? Потому что будущее наполняется позитивным содержанием и тут же возникает противоречивое к нему отношение: с одной стороны это будущее крайне желательно, с другой стороны его наступление крайне маловероятно (во всяком случае, очень далеко). Откуда переживание враждебности мира? Мир существует, все события в нём происходят ради чего-то внешнего мне, мир ко мне равнодушен, но при этом я уверен, что есть в этом мире многое, что мир ценит, на что направлено его существование.

Сравнительный анализ может нам показать, от каких особенностей человека зависит склонность его к психалгии, от чего зависит степень её остроты.

Со сравнительного анализа и начнём. Занимаясь им, мы помним, что в литературе часто не проводится различия между психалгией и депрессией.

Статистические данные показывают следующее: количество зафиксированных случаев депрессии распространяется по различным регионам мира весьма неравномерно. Рассмотрим этот вопрос более конкретно, но вначале определимся с понятием «регион мира». Для историко-географической дифференциации регионов мира принято пользоваться терминами «культура» или

«цивилизация» (синонимами эти понятия не являются, но для нас их различие сейчас не имеет значения). Вариантов выделения цивилизаций существует много [См.: 1; 25; 18; 15], но сходства в них гораздо больше, чем различий. Например, наряду с другими обязательно выделяется европейская цивилизация, а также цивилизация китайская (используемые названия могут различаться, но суть не меняется).

Что говорит статистика о депрессии в современной Европе и в современном Китае? Некоторое время назад американский журнал *VMC Medicine* провёл исследование, которое дало следующие результаты. В странах Европы и Северной Америки симптомы Большого депрессивного расстройства (БДР) наблюдаются у 28% населения. Самыми депрессивными странами оказались: Франция (32%), Голландия (33%), США (30%). А вот менее всего к депрессии склонны граждане КНР (12%) [28]. Примерно такую же картину даёт статистика самоубийств. Например, в 2020 году во Франции было совершено 18 суицидов на 100000 населения, в Швейцарии – 17 случаев, в Финляндии – 16, а вот в Китае всего 8.

Если мы исходим из предположения, что в физическом, а также фундаментально-психическом плане все люди одинаковы, то вопрос о различии уровня психалгии в цивилизации европейской и цивилизации китайской приобретает особую ценность: разобравшись в нём, мы сможем обнаружить глубинные причины относительно высокого уровня психалгии, свойственного европейскому миру. И здесь необходимо обратиться к философии. Причина проста: философия может эксплицировать всеобщие особенности мышления, сформированные не биологией, не анатомией, не физиологией, не особенностями биографии, а факторами, имеющими социально-культурное происхождение. Аккумулируются эти факторы в том, что в литературе получило название «менталитет». Главной составляющей менталитета является т.н. «фоновое знание». Фоновое знание – это «Вся совокупность нашего так называемого знания или убеждений» [7, с.363], причём она «есть человеческая конструкция, которая соприкасается с опытом только по краям.» [Там же]

Фоновое знание европейского менталитета сформировано классической греческой мыслью и связанным с ней христианством. Менталитет китайский сформирован буддизмом (и сегодня буддистами там являются 244 миллиона человек, или 18,2% от общей численности населения) а также даосизмом. Потому китайский менталитет мы можем обозначить термином «буддийско-даосистский менталитет».

Складываться этот менталитет начал очень давно: «Формирование даосско-буддийского культа началось при королевском дворе в эпоху Поздняя Хань (X век н.э.

– Е.С.)... Примерно в это же время наблюдается превращение буддийских тем в часть китайского религиозного учения ...» [21, с.66]. И современная культура Китая «сохраняющая тенденции традиционализма, является рефлексией духовной культуры общества, исторически доминирующее основание которой составляет даосизм.» [9, с.199]

Различий между европейским и буддийско-даосистским менталитетом существует множество, но если предметом исследования является психалгия, мы должны обратить внимание на те факторы, о которых говорили выше. Это значит, мы должны прояснить: что активизирует или наоборот - снижает душевную боль. Чем определяется понимание человеком своего места в течение событий (событий своей жизни, социума), чем определяются способы ожидания человеком будущего и как будущее наполняется конкретным содержанием.

Когда речь идёт о европейском менталитете, понимание своего места в потоке событий и наполнение будущего содержанием можно охарактеризовать двумя особенностями: финализм и телеологизм.

Финализм – это такой взгляд на мир, который полагает, что все без исключения процессы, идущие в мире будут когда-либо закончены и в таком виде, в каком они шли, более никогда не повторятся. Также финализм можно определить как «представление о необратимом, окончательном прекращении существования данного типа или формы материального бытия» [3, с.22; 24, с.54].

Говоря о финализме как особенности европейского миропонимания, можно выделить следующие его виды.

Первый – финализм онтологический (или физический). Всё физическое, что мы можем помыслить, имеет временные рамки – т. е. имеет начало и конец. Вселенная рождена либо актом творения высшего существа, либо в результате «Большого взрыва» и обречена на исчезновение: либо Бог её уничтожит, либо тепловая смерть. Планета Земля исчезнет раньше Вселенной – она приблизится на критически близкое расстояние к Солнцу и сгорит. Ещё раньше исчезнет человечество – оно либо истребит себя сверхсильным оружием, либо истощит источники энергии, либо вымрет в результате эпидемии страшной болезни.

Второй вид финализма – финализм гносеологический. Его суть в идее достижения человечеством полного и исчерпывающего знания о сущем, о мире, в котором мы живём. Т.е. предполагается, что в недалёком будущем научное сообщество будет знать об этом мире абсолютно всё: «Если фундаментальная природа реальности действительно математическая, то в принципе всё познаваемо и мы ограничены лишь собственным вооб-

ражением.» [16, с. 303].

Третий вид финализма – финализм социальный. «Социальный финализм – это достижение определённого конечного уровня развития социума, согласно поставленным целям» [12, с.20] Стержнем социального финализма является идея построения такого человеческого общества, при котором все люди (или абсолютное их большинство) будут счастливы настолько, насколько позволяет их физическая природа. Это может быть достигнуто либо на земле — интенсивными усилиями самих мыслящих и действующих людей, либо вне физической земли, в каком-либо пространстве, созданном Абсолютным существом.

Четвёртый вид финализма можно назвать финализм антропологический. Большинство из людей пребывают в убеждении, что путём применения некоторых усилий (интеллектуальных, физических, волевых) они достигнут какого-либо состояния, при котором жизнь будет предельно комфортной и из которого больше не надо будет никуда стремиться.

Теперь к телеологизму. Греческое слово «τέλειος» буквально означает «заключительный», в современном понимании чаще переводится термином «цель». Соответственно, телеологизм – это мнение о том, что всё в этом мире имеет некую цель. Телеологизм можно разделить на два вида – гносеологический и активационный.

Гносеологический телеологизм – рассмотрение как всего сущего, так и отдельных его фрагментов (равно как и процессов, во всём этом идущих) в качестве феноменов, имеющих некую цель. Активационный телеологизм – рассмотрение индивидуальным человеком или группой людей (от семейной пары до целой цивилизации) своей деятельности как направленной на достижение определённой цели.

Легко заметить, что в европейском менталитете финализм и телеологизм неразрывно связаны друг с другом. Цель не может не быть финальной, представление о финале не может быть бессодержательным – содержание этого представления и есть цель. И ещё: цель и финал – с точки зрения европейского менталитета – достигаются путём *активных* действий, собственных волевых усилий.

Каково влияние финализма и телеологизма на степень психалгии? Для ответа на этот вопрос перейдём ко второй части нашего исследования – сравнительному анализу. Познакомимся с некоторыми особенностями буддийско-даосистского менталитета.

Как носитель буддийско-даосистского менталитета понимает своё место в течении событий и каковы спо-

события ожидания будущего? Он ориентируется на такие феномены, как карма и дао.

В «Философском энциклопедическом словаре» карма определяется как «сумма добрых и злых деяний жизни, которая на основе присущей ей автоматически действующей и закономерной причинности создаёт предпосылки для нового, последующего существования определённой судьбы» [22, с. 200]. Карма динамична, она являет собой «вселенский причинно-следственный закон, согласно которому праведные или греховные действия человека определяют его судьбу, испытываемые им страдания или наслаждения.» [2, с.156]. Обратим внимание на два важных обстоятельства. Первое обстоятельство: карма дифференцирована и монотонна одновременно. Дифференцирована в том смысле, что в ней постоянно возникают некие события, некие конечные множества эпизодов, связанных причинно-следственными отношениями, а монотонна в том смысле, что осуществление данных причинно-следственных связей обязательно присуще всем событиям, является единым для них для всех и в принципе не удаляемым свойством.

Второе обстоятельство: из под влияния кармы нельзя выйти: «Карма не ограничена временем и пространством...» [11, с.208] Вернее, выйти можно, но это удел немногих, и обычный человек на такой выход едва ли может надеяться. [См.: 19, с.27 - 28]

Следующей категорией, которую мы упомянули в связи с буддийско-даосистском менталитетом, было дао. Вводится эта категория в труде «Дао дэ цзин», автором которого считается Лао Цзы (VI – V вв. до н.э.). Лао Цзы определяет его как «мать всех вещей» [8, с.2] или как то, «... что движет вещами» [Там же, с.18]. Выражаясь современным языком, мы можем определить дао как «всеобщий мировой закон.» [4, с.51]. В чём особенности этого «закона», чем дао отличается от привычного европейцам закона природы? Первое отличие: если европейский закон обязательно познаётся и эксплицируется в системе символов (формула, описание последовательности и т.п.), а потом ещё и используется в практике, то дао не может и не должно быть ни познано, ни эксплицировано, ни использовано. Оно «не есть извечное Слово.» [8, с.2], «путь его загадочен и непостижим» [с.18]. Второе отличие: дао лишено какой-либо силы, энергии, способности воздействовать на что-либо: «Дао постоянно пребывает в недеянии» [4, с.51]. Это бессилие диалектично: отступая перед любой активностью, оно позволяет как всему сущему так и каждой части его раскрываться во всей полноте своего ноуменального содержания: «нет ничего, чего бы оно не делало» [Там же, с.51], дао позволяет всем элементам сущего приходить в гармоничное соответствие друг с другом. Т.е. бессилие есть величайшая сила – оно созидает мир в присущей ему гармонии. Из этого следует главная рекомендация

для поведения человека – подчинение своей жизни принципу «у вэй». «У вэй» – это отнюдь не бездельничество. Главная идея «у вэй»: «непротиводействие природе окружающих вещей и существ, а в конечном счете – и всего сущего.» [20, с.179.]. Непротиводействие – в данном случае – непротиводействие всякому воздействию, направляющемуся к человеку из внешнего мира. И оно – как и дао в целом – диалектично: нежелательно противодействовать тому, что причиняет боль, но также нежелательно противодействовать своему желанию принять меры для снятия боли.

Как даосизм организует мировосприятие? В мире всё гармонично. Причём гармонично не в некоей части пространства, в которой мы пока не присутствуем, и не в том отрезке времени, который пока не наступил (или уже миновал). Мир не нуждается ни в какой корректировке, не нуждается ни в каком совершенствовании. Человечество вообще и каждый человек в отдельности тоже не нуждаются в совершенствовании. Миру и человеку противопоказаны какие-либо усилия.

Нельзя не упомянуть возможное возражение: китайский менталитет всё же ближе к мысли Конфуция, нежели к мысли Лао Цзы. Проще всего было бы заявить, что Конфуций просто приспособил уже готовый даосизм к нуждам современного ему государства. Но историография пока не может сказать, что было создано раньше: «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы или «Лунь Юй» («Беседы и суждения») Конфуция. С уверенностью эти произведения можно отнести к весьма длительному периоду: IV – III вв. до н.э. Не претендуя на решение вопроса о том, что создано раньше, и повлияло ли более раннее на более позднее, предположим лишь, что и даосизм, и конфуцианство суть проявления единого способа мироосмысления, сформировавшегося в Китае за несколько веков до наступления новой эры.

В центре этого мироосмысления – независимое от человека, неподвластное ему, но позволяющее познание себя и требующее приспособления к себе течение событий. У Конфуция это течение воплощается в образе Неба: «Небо – это высшая власть, воле Неба нельзя противиться.» [4, с.68]. Главный способ подчинения воле Неба – исполнение ритуала: «Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию. ... Если в почтении [человек] близок к ритуалу, его не следует позорить.» [5, с.10]. Можно ли считать Небо аналогом дао? Нельзя, ибо Конфуций знает данную категорию, упоминает её, но считает менее значимым, нежели Небо: «Когда в государстве царит Дао-Путь, то он небесполезен. Когда государство утратит Дао-Путь, то он не подвергнется наказанию» [Там же]. Если строго следовать тексту Конфуция, то дао – нечто вроде уточнения воли Неба. Небо, разумеется, выше дао. Но мы имеем полное право пред-

положить, что формирование представления о всеобщей, всенаправляющей закономерности (силе), а также формирование представления о дао и о Небе – единый процесс, где всё взаимосвязано. В ходе осуществления этого процесса возникает относительно абстрактная категория – дао и более конкретная категория – Небо. Как соотносятся Небо и дао? Наверное, можно сказать, что Небо – это тоже дао, только конкретизированное и телеологизированное.

Можно ли говорить о каких-либо существенных отличиях кармы и дао? Очевидно, карма предполагает несколько более высокую степень активности субъекта, нежели дао: ориентирующийся на карму должен сам выбрать правильную модель поведения и потом сам действовать в соответствии с ней. Ориентирующийся на дао понимает, что главное – следование уже готовым схемам, выполнение уже существующих ритуалов, почтение к тем персонам, которых чтит общество.

А вот сходных черт кармы и дао гораздо больше. Например, если вести речь о времени, можно предположить, что обозреваемый отрезок очень короток. Всё, что должно наступить, присутствует сейчас. Присутствует либо в виде физически совершающегося, либо в виде очень реалистичного представления, вызывающего примерно те же чувственные образы и эмоциональные переживания, что и совершающееся физически. Весьма невелика оценка роли жизненных усилий. Усилий, которые имеют целью что-либо серьёзно изменить. Если изменение «запрограммировано» (кармой или дао), оно неизбежно произойдёт, если не «запрограммировано» - его никогда не будет, человек же здесь ни на что принципиально повлиять не может. Соответствует этому и ценность результатов усилия – она весьма невелика: результата достигает не сам человек, а естественный ход вещей.

Сравним европейский и буддийско-даосистский менталитеты в контексте влияния на степень психалгии.

Как было замечено, степень психалгии во многом зависит от понимания человеком своего места в течение событий, от способов ожидания человеком будущего и от того содержания, которым будущее наполняется.

В Европе понимание своего места и осмысление будущего характеризуются финализмом и телеологизмом. Цель и финал достигаются путём *активных* действий, осуществлением собственных волевых усилий. Собственная активность, собственной волей вызванные и ею же произведённые действия преобладают над объективностью. И ещё: всякое действие в жизненно важных обстоятельствах *оценивается*. Оценивается как доведённое до финала или *не* доведённое до финала. Если оценивается как доведённое до финала, то наступает

второй этап оценки – действие оценивается как соответствующее цели или *не* соответствующее ей. Низкая оценка первого, второго или обоих вместе ведёт к негативизации настроения.

В буддийско-даосистском менталитете финализм и телеологизм отсутствуют. Отсутствуют все четыре вида финализма: физическая материя не исчезнет никогда; полного, исчерпывающего знания сущего человек никогда не достигнет; более справедливое (тем более, «абсолютно справедливое») общество в этом мире никогда построено не будет – высшая справедливость, какая только может быть достигнута, уже существует; жизнь одного человека тоже никогда не станет принципиально лучше на долгие времена: любое улучшение временно, проходящее, за ним неизбежно последует ухудшение. Даже смерть не освобождает от тяжести бытия.

Отсутствие финализма и телеологизма ведёт и к отсутствию необходимости предпринимать какие-либо серьёзные усилия в своей жизни, а главное – исключают *оценку* их результатов. Человек мало чего ждёт, мало на что надеется, мало что оценивает и полагает количественные и качественные границы своего существования естественными, соответствующими природе вещей.

Выше было замечено: одним из главных факторов, вызывающих психалгию, является чувство утраты смысла жизни, чувство отсутствия цели, которой хочется добиваться. У европейского человека в менталитете присутствуют предпосылки для появления этого чувства. Менталитет европейца настроен на далёкий и пока отсутствующий смысл, на цель, требующую усилий, готов к острому переживанию отсутствия перспектив обретения смысла и достижения целей.

Общий вывод из всего сказанного может быть таков: основными особенностями европейского менталитета (европейского фонового знания), влияющими на степень психалгии, являются такие его черты, как финализм и телеологизм. Именно они задают концепт отсутствующего сейчас будущего и концепт внешнего мне мира с его обязательными требованиями, именно они порождают необходимость *оценки* будущего и *оценки* мира – а такая оценка может быть весьма низкой, что существенно повышает степень риска психалгии. Основными особенностями буддийско-даосистского менталитета, влияющими на степень психалгии, является низкая степень готовности к серьёзным жизненным усилиям, приятие всего происходящего как того, что соответствует естественному ходу вещей и моим действиям, как того, что не требует никакого изменения. Ни что в мире не нуждается в *оценке*. Отсутствие оценки не устраняет опасность психалгии, но может способствовать снижению её остроты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Родина, 2021. 592 с.
2. Ивентьев С.И. Карма как духовно-нравственный и социальный регулятор человеческих отношений // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. Новосибирск: ООО Центр развития научного сотрудничества, 2015. №4. С.154 – 158
3. Ильичев П.И. Идея финализма в социальной философии // Тенденции развития науки и образования. Самара: НИЦ «Л-Журнал», 2019. №55, Часть 6. С. 21 - 24
4. История китайской философии. Перевод с китайского В.С.Таскина – М.: Прогресс, 1989. 552 с.
5. Конфуций. Суждения и беседы. М.: Рипол Классик, 2017. 360 с.
6. Коробичина М.Б. Психология преодоления душевной боли у детей и взрослых // Вісник ОНУ імені І.І.Мечникова. Психологія. 2012. Т.17, Вип 8(20). С.506 – 513.
7. Куайн Уиллард Ван Орман. Слово и объект. М.: Логос, Праксис. 2000. 386 с.
8. Лао-Цзы Дао Дэ Цзин. М.: АСТ, 2019. 160 с,
9. Лебедев Н.С. Дао и современность // Известия Уральского федерального университета. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н.Ельцина. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Том 23, № 3 (165). С. 197 – 203.
10. Моховиков А.Н. Психическая боль: природа, диагностика и принципы гештальттерапии // Московский психотерапевтический журнал. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2003. №4. С.104 – 127.
11. Надеева К.А. Буддийское понятие «карма» и категория «судьба» в культуре калмыков // STUDIA CULTURAE. СПб.: Редакция журнала Studia Culture, 2013. №18. С.203 – 214.
12. Привалова М.В. Две религиозные концепции социального финализма: экзистенциальная (Н.А. Бердяев) и космическая (Н.Ф. Фёдоров) // Гуманитарный вектор. Проблемы истории философии. Чита: Забайкальский государственный университет, 2015. № 2 (42). С.18 – 23
13. Руководство по психиатрии. В 2 томах. Т. 1. / А.С. Тиганов, А.В. Снежневский, Д.Д. Орловская и др.; Под ред. А.С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. 712 с.
14. Смулевич А.Б. Реактивные (психогенные) депрессии // Психиатрия и психофармакотерапия. М.: 2013. Т.15. №4. С.4 – 11
15. Сухонос С.И. Эстафета цивилизаций. М.: RUGRAM, 2020. 644с.
16. Тегмарк М. Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. М.: «Corpus (ACT)», 2014. 310 с.
17. Тиганов А.С. Аффективные расстройства и синдромообразование // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. М.: ООО «Издательство Медиа Сфера», 1999. Т. 99. С. 8-10.
18. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Академический проект, 2019. 802с.
19. Торчинов Е.А. Введение в буддизм. СПб.: Азбука-Классика, 2017. 352с.
20. Торчинов Е.А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2004. 256 с.
21. Урбанаева И.С. Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2014, 364 с.
22. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 570 с.
23. Шнейдман Эдвин С. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315с.
24. Шохин В.К. Античное понятие культуры и протокультурфилософия: специфика и компаративные параллели //Вопросы философии. М.: Институт философии РАН, 2011. № 3. с.51- 62.
25. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Юрайт, 2021. 238с.
26. Lewinsohn P., Shaffer M. J. Consult Clin Psychol 1971; 37:81-84.
27. Wheeler G. Beyond Individualism. Toward a New Understanding of Self, Relationship and Experience. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 2000. p 228
28. Депрессивные, зато богатые. Статистика неумолима: чем лучше живёт народ, тем он печальнее.//Электрон. дан. Режим доступа URL: https://www.gazeta.ru/science/2011/07/27_a_3713181.shtml (дата обращения 11.10.2021).

© Сиверцев Евгений Юрьевич (Emden1914@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»